

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О РУССКИХ
НАРОДНЫХ ГОВОРАХ(По материалам диалектологических атласов)¹

Изучение говоров русского языка методами лингвистической географии, начавшееся более десяти лет назад и осуществляемое силами филологов всей страны, в наибольшей степени характеризует собой современный этап развития диалектологии русского языка. Основным результатом этого изучения являются составленные и составляемые в настоящее время атласы русских народных говоров, одни из которых находятся в печати, а другие близки к завершению. Теоретические и методические основы подготавливаемых атласов, а также предварительный частичный обзор результатов проведенного картографирования получили некоторое, хотя еще и недостаточное, освещение в печати².

В настоящее время ожидается выход в свет «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», во вступительной статье к которому значительно более полно, чем это было сделано в указанных выше статьях, освещены основные теоретические положения лингвистической географии русского языка. В связи с этим в данной статье мы останавливаемся на некоторых предварительных итогах тех этапов работы над атласами русских народных говоров, которые связаны с обследованием нескольких тысяч населенных пунктов на территории Европейской части СССР по существующей «Программе» и составлением первых четырех атласов³. Из всего возможного круга вопросов здесь будет в некоторой степени освещен вопрос о том, как обогатились наши сведения о русских народных говорах за последнее десятилетие. Предлагаемый ниже обзор ни в какой мере не является систематическим или исчерпывающим; рассмотрены в виде иллюстраций лишь некоторые отдельные стороны имеющихся материалов. В статье используются материалы, уже подвергшиеся картографированию и изученные в этой связи; преимущественно они относятся к территории Ленинградской, Новгородской, Псковской, Великолукской, Калининской, Смоленской, Калужской, Тульской, Московской,

¹ Статья подготовлена Сектором истории русского языка и диалектологии Института языкознания АН СССР.

² Р. И. Аванесов, Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2; его же, Лингвистическая география и история русского языка, ВЯ, 1952, № 6; И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко, О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР], X, М., 1956; В. Г. Орлова, Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных, ВЯ, 1955, № 6 (в этой статье см. также информацию о ходе составления атласов и карту, на которой показано размещение территорий трех атласов).

³ «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», М.—Л., 1947.

Владимирской, Горьковской, Рязанской, Брянской, Орловской, Курской и Белгородской областей. Использование материала является выборочным, что зависит как от объема статьи, так и от того, что далеко не весь материал в должной мере изучен и обобщен.

В ряде случаев огромный материал, собранный методом непосредственных наблюдений по единой для всех экспедиций «Программе», углублял наши сведения о диалектных фактах, уже предусмотренных «Программой»; нередко изменялись представления о внутренних закономерностях того или иного явления, о месте данного явления в языковой системе, о его связи с другими смежными явлениями, о его роли в классификации русских народных говоров. Картографирование материала давало возможность более глубокого понимания этих вопросов, давало более полные сведения о характере территориального распространения явлений. Однако наряду с этим весьма многие ответы на вопросы «Программы» содержали ценные дополнения, расширяющие круг наших сведений о диалектных различиях русского языка, сообщали новые факты, характерные для современных говоров.

Изучение собираемых в настоящее время данных о северных и северо-восточных говорах Архангельской, Вологодской, Ивановской, Кировской, Костромской, Ярославской областей, Карело-Финской АССР и южных, находящихся на территории таких областей, как Воронежская, Липецкая, Тамбовская, Пензенская, а также о восточных говорах Поволжья будет проведено при составлении соответствующих атласов и намечено на ближайшее и последующее пятилетие.

В результате работы над атласами мы располагаем в настоящее время новыми данными о предударном вокализме южновеликорусских говоров. Вопрос о территории распространения диссимилятивного аканья и о наличии диссимилятивного аканья архаического типа, при котором редуцированный *ъ* появляется не только перед *а*, но и перед *о* и *е* определенного происхождения, уже освещался в печати¹. При этом отмечалось, что в говорах с наиболее архаическими типами предударного вокализма наблюдается параллелизм: архаическому типу диссимилятивного аканья сопутствуют также архаические типы яканья (наблюдение, уже само по себе важное для изучения истории явлений).

При последующем изучении материала удалось установить, что утрата архаических отношений идет неравномерно после мягких и твердых согласных и совершается различными путями. Современные данные свидетельствуют также о том, что в ряде говоров диссимилятивный предударный вокализм после мягких согласных (обоянский тип) существует при отчетливо прослеживаемом различении семи гласных фонем под ударением (*а, о, е, ъ, ѣ, у, и*). Однако не менее интересны и сведения о том, что обоянское яканье сохраняется в ряде говоров также при утрате различения семи ударенных гласных на основе определенного рода грамматических обобщений и лексикализации, при которых известную роль играет и то, какие именно гласные (*а* и *и*, *ь* или *а* и *е*, *ь*) выступают в первом предударном слоге. Этот материал является в настоящее время предметом специального исследования, включающего также разрешение вопроса о том, при каком именно исходном типе яканья и при каких характерных процессах развития могут формироваться различные более поздние типы предударного вокализма.

¹ Т. Г. Строганова, Одна из особенностей южновеликорусского вокализма, ВЯ, 1955, № 4.

На основе материалов атласов уже были внесены существенные дополнения и уточнения в классификацию типов яканья, созданную в свое время Н. Н. Дурново¹. В настоящее время имеются сообщения о новой разновидности ассимилятивно-диссимилятивного яканья, отмеченной в говорах Куйбышевской области, при которой гласный *е* произносится только перед ударенным *е* из *е* и *ь*, в то время как перед *е* из *ё* и *о* из *е* произносится *а*. Уточнены представления о двух разновидностях умеренно-диссимилятивного яканья, имеющих одна — суджанскую, а другая — щигровскую основу². Каждая из этих разновидностей распространена на самостоятельных территориях: первая — в восточной части Орловской области и, видимо, далее в восточном направлении; вторая — в западной части Тульской и в центральных районах Орловской области.

Намечаются также по крайней мере еще две территориально приуроченные разновидности диссимилятивно-умеренного яканья: одна, при которой перед *о* из *ь* произносится *и* (на юге Калужской области), другая, при которой *а* произносится перед *и* и *ё*, стоящими после сочетаний согласных (в восточной части Смоленской, в некоторых северных районах Брянской области и южных районах Великолукской).

Имеются данные о наличии в них большого (гораздо большего, чем это полагали ранее) количества северновеликорусских говоров с гласным *е* в соответствии и *е*, и *ё* в первом предударном слоге (*несу́, реку́, прялу́*), а также говоров, где наблюдается совпадение гласных неверхнего подъема в *е* (*несу́, река́, прела́*), тем не менее северновеликорусских по своему строю. Проводимое в настоящее время исследование открывает возможность своеобразной типизации предударного вокализма после мягких согласных для северновеликорусских говоров. При этой типизации будет учтена и такая, ранее неизвестная, разновидность предударного вокализма, при которой гласный *а* появляется и в соответствии этимологическому *е* (*нясу́, река́, прялу́*) вне связи с воздействием акающих говоров. Характерна также территориальная определенность распространения различных типов предударного вокализма северновеликорусских говоров, в связи с чем возрастает роль данного явления при классификации этих говоров.

Материалы атласов позволили внести много нового и в понимание ряда явлений ударенного вокализма. Наличие гласных особого качества и дифтонгов не только в соответствии *о* под восходящим ударением и *е* из *ё*, как это было известно ранее, устанавливалось уже в некоторых работах, построенных на материалах атласов³. Выяснено, что в ряде говоров, расположенных островами в Рязанской, Калужской, Воронежской и Белгородской областях, противопоставляются *о*, *оу́* (из *о* под нисходящим ударением или из *ь*, а также на месте *е* и *ь*) и *о́*, *уо́* (из *о* под восходящим ударением). Аналогично противопоставление *е*, *еи́* (из *е* и *ь*) и *е́*, *и́е* (из *ё*). Характерной сопутствующей особенностью некоторых говоров, знающих подобное противопоставление ударенных гласных, является произношение не вполне смягченных согласных перед *е* и *еи́*. Взятые

¹ По поводу разновидностей ассимилятивно-диссимилятивного яканья см.: Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949, стр. 89—92; А. Н. Гвоздев, Таблица типов аканья и яканья, «Бюлл. Куйбыш. межобл. кабинета атласа русск. языка», вып. I, Куйбышев, 1948, стр. 18—19; Р. И. Аванесов, Лингвистическая география и история русского языка, стр. 34.

² Ср. ранее высказанные соображения об этих разновидностях в работе С. И. Коткова «Говоры Орловской области со стороны их вокализма», («Уч. зап. [Орловск. гос. пед. ин-та]», т. V, Кафедра русск. языка, вып. 2, Орел, 1951, стр. 70—80).

³ С. С. Высотский, О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.), в кн. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, М.—Л., 1949.

в связи друг с другом эти две особенности представляют собой вновь выявленный характерный признак некоторых говоров южновеликорусского типа.

Наличие на территории современной Рязанской области определенного массива говоров, не изменивших *е* в *о*, давало уже возможность высказать предположение, что в прошлом этого изменения, может быть, не было и в других южновеликорусских говорах¹. При обследовании более западных территорий (курских, орловских, брянских, смоленских, великолукских, псковских) не встретилось говоров, в которых переход *е* в *о* был бы представлен столь последовательно, хотя в значительном количестве южновеликорусских, средневеликорусских и северновеликорусских говоров западного типа он известен в различной, но, однако, не повторяющейся из говора в говор лексике (*свёкла*, *свёкор*, *котёнок* и т. п.). Этот факт указывает, что вопрос о природе этого явления и о связи его с определенными диалектными группами можно будет окончательно решить лишь после обследования говоров северо-востока.

Уже отмечалось, что материалы атласов дали возможность установить распространение в говорах Рязанской области (Мещерский край)² такой черты, как произношение *е* вместо *а* между мягкими согласными (*з'ет'*, *п'ет'*, *д'ёд'а* и т. п.), считавшийся ранее исключительно северновеликорусской. Картографирование и изучение материала позволило доказать, что внешне аналогичное изменение *а* в *е* в глаголах (*дыш'ет'*, *крич'ет'* и под.) в ряде говоров совершенно не связано с общим изменением *а* в *е* и встречается на совершенно особых территориях, где общее изменение *а* в *е* между мягкими совсем не отмечено и потому должно считаться диалектной особенностью, имеющей самостоятельное значение и развившейся, вероятнее всего, на основе грамматической аналогии с глаголами типа *гореть*.

Переходя к вопросам консонантизма, укажем, что только материалы, собранные при подготовке атласов, дали возможность установить действительную картину употребления аффрикат в русских народных говорах. Впервые выявлена значительная территория цокающих говоров на юго-востоке Европейской части СССР (во Владимирской, Рязанской, Горьковской областях). Стала известна самостоятельная территория говоров в Курской и Орловской областях, в которых утрачен затвор аффрикатами *ц* и *ч*. Отметим, что последнее явление (произношение типа *ш'ай*, *дбш'ка*, *нбш'*) было ранее недостаточно освещено в литературе.

Во время подготовки атласов был получен материал для создания типологии употребления аффрикат³. Материалы атласов убедительно показали отсутствие обязательной связи цоканья или утраты затвора аффрикатами с таким явлением, как шепелявость свистящих согласных. Как выяснилось, изменения твердых шипящих и свистящих согласных вообще не характерны для русского языка. Шепелявое произношение мягких свистящих в Псковской, Великолукской, Брянской областях отмечают на территориях, пограничных с Белоруссией. В Рязанской, Горьковской областях, Чувашской и Мордовской АССР говоры, знающие это явление, хотя и находятся в пределах общего массива цокающих говоров, группируются в пределах узкой полосы по обе стороны границы аканья и оканья, где происходит давнее взаимодействие носителей

¹ Р. И. Аванесов, Лингвистическая география и история русского языка, стр. 32.

² Р. И. Аванесов, Вопросы лингвистической географии русских говоров..., стр. 170.

³ В. Г. Орлова, Типы употребления аффрикат как различительный признак русских народных говоров, ВЯ, 1957, № 1.

северновеликорусского и южновеликорусского наречий. Между тем многие исследователи исходили раньше из представления об обязательной связи шепелявости и цоканья или утраты затвора в аффрикатах по говорам.

К числу явлений, сведения о которых, притом отрывочные и неполные, поздно появляются в диалектологической литературе, относится произношение среднего *l*. Наличие этого звука долгое время считалось характерным только для северновеликорусских говоров. В настоящее время выяснено, что данная черта встречается и в южновеликорусских и средневеликорусских говорах, хотя и расположенных разбросанно и в общем немногочисленных, обычно данная черта бывает распространена лишь у части носителей говора. Употребление среднего *l* в одних говорах встречается только перед гласными непереднего ряда, а в других также и перед согласными, и на конце слова.

Впервые выявлены значительные группы говоров, в которых сохраняются неоглушенными звонкие согласные на конце и изредка в середине слова. Такие говоры находим в западной части Брянской и Смоленской областей (преимущественно по границе с Белоруссией), в Муромском районе Владимирской области¹, в Вачском, Мордовчиковском и Кулебакском районах Горьковской области. Спорадически их отмечают и в других местах. Ряд наблюдателей фиксирует наличие гласного призвука при неоглушенных согласных или также и при глухих согласных на конце слова. Возможно, что с утратой описываемого явления, протекающей весьма интенсивно, связано то, что в некоторых говорах подобное произношение согласных сохраняется лишь перед паузой, заменяясь употреблением глухих согласных в других положениях.

Разнообразные случаи изменения *в* в *х*, упоминавшиеся в литературе, не могли получить правильную оценку до их изучения методами лингвистической географии. В настоящее время выяснено, что изменение *в* в *х* в середине и на конце слов в основах (*дѣхка*, *лѣхка*, *голѣх*, *корѣх*) существует как собственно фонетическое явление в говорах рязанской мещеры, в которых более широко распространено произношение *в* как *ѣ* в тех же условиях.

Произношение *в* как *х* наблюдается на периферии той территории в пределах мещерских говоров, где распространено произношение *ѣ* и, может быть, связано с процессами взаимодействия с носителями губно-зубного *в*.

Изогlossen произношения *в* как *х* только во флексии род. падежа мн. числа (*столѣх*, *дворѣх*) выделяет большую территорию, чем изоглосса случаев типа *лѣхка*, *голѣх*, и включает в свои пределы территорию этого последнего явления. Связь по территориальному признаку может свидетельствовать о едином генезисе двух названных явлений. Говоры, в которых сохраняются только случаи типа *столѣх*, представляют, быть может, реликт более широкого произношения *х* вместо *в*, связанный с произношением определенной морфемы.

*

Различий между говорами русского языка, относящихся к области грамматики, меньше, чем различий фонетических. Они касаются преимущественно звукового выражения тех или иных формальных элементов.

¹ В. И. Тагунова, О сохранении звонких согласных на конце слова и перед глухими в муромских говорах, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», IV, М., 1953.

Следует отметить, что сведения о различиях этого рода в прошлом мало подвергались обобщению, с чем связано их недостаточное использование при создании классификации русских народных говоров. В этом нетрудно убедиться, обратившись к «Опыту диалектологической карты русского языка в Европе»: круг использованных при классификации морфологических особенностей узок; если для одних групп говоров указываются некоторые морфологические особенности, для других нередко не сообщается никаких данных. В связи с этим изучение материалов, представляющих собой ответы на вопросы «Программы» по морфологии, приобретает особый интерес.

Наряду с известной для южновеликорусских говоров возможностью образования форм им. падежа мн. числа на *-а* (таких, как *лошадя́, площадя́*, а также *матеря́, дочеря́* и форм *деревня́, яблоня́* и под.), для внутренней дифференциации южновеликорусских говоров может служить распространение основы им. падежа мн. числа подобных существительных суффиксом *-j-* (*лошад'я́, матер'я́, дочер'я́*), отмечаемое преимущественно в говорах Тульской, Орловской, Рязанской областей, т. е. лишь в определенной части говоров южновеликорусского наречия. Укажем, что в западной части Ленинградской и Новгородской областей также выявлена небольшая группа говоров, в которых распространены формы им. падежа мн. числа типа *лошадья́*, но наряду с ними и специфические местные формы от существительных на *-а* (*березья́, березья́* и т. п.).

Образование форм род. падежа мн. числа с окончанием *-ов* у существительных женского рода (*бабушков, ягодов, войнов* и т. п.) и существительных мужского рода с основой на шипящий (*ножов, шалашов* и т. п.) оказывается в той же мере свойственным южновеликорусским говорам, как и форма им. падежа мн. числа на *-а*, хотя характер этого образования по отношению к различным существительным неодинаков.

По образованию форм мн. числа может быть выделена, взятая в целом независимо от разделения на южновеликорусские, средневеликорусские и северновеликорусские говоры, западная территория говоров, выделяющаяся также и по ряду фонетических признаков¹. Для говоров этой территории, расположенных на запад от линии Севск—Брянск—Вязьма—Сычевка—Новгород, характерно в им. падеже мн. числа окончание *-ы (-и)* у существительных мужского рода (*леса́ и лесы́, зброды́ и городы́, дбмы́ и домы́, вблосы́ и волосы́*), в частности и в тех случаях, где в литературном языке сохраняется старая флексия двойственного числа (*ббки́ и боки́, рукавы́ и рукави́, глазы́ и глази́, береги́ и берей́*). Ср. в этих говорах окончание *-ы (-и)* и у слов со значением степеней родства (*зяти́—зятй́, братья́—браты́, сыны́—сынй́*); эти же формы в разрознанном виде известны и в курско-орловских говорах. Столь широкое распространение форм на *-ы (-и)* не дает основания считать их свойственными лишь средневеликорусским говорам с белорусским наслоением, как это имеет место в «Опыте диалектологической карты»².

Вне связи с вопросом о классификации говоров могут быть отмечены и еще некоторые наблюдения, касающиеся форм существительных. Для образования форм твор. падежа существительных женского рода с окончанием *-уй* (*девкуй, нян'уй, рануй*), территориальное распространение которых, в основном, точно описано С. П. Обнорским³, обычно указы-

¹ В. Г. Орлова, Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных, ВЯ, 1955, № 6.

² Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков, Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, М., 1915, стр. 38.

³ С. П. Обнорский, Именное склонение в современном русском языке, вып. I, Л., 1927, стр. 284—288.

вали в качестве решающих условий наличие задненебного согласного перед окончанием и двусложность самого окончания. По мнению А. А. Шахматова, сочетание *ойу* изменялось в результате ассимиляции в *уйу* и лишь затем в *уй*. Однако в настоящее время собран большой материал, показывающий, что окончание *-уй* широко известно и после взрывных, губных, шипящих согласных; встречается оно и в говорах, где существительные с двусложным окончанием совсем не отмечены. Все это дает повод и основание для исследования соответствующих вопросов.

Пополнены ранее весьма ограниченные сведения об образовании форм сравнительной степени, в связи с чем появляется возможность и их территориального приурочения. Так, выявлены характерные для территорий, пограничных с белорусским и украинским языком, формы с двусложной основой, представляющие перенос ударения с основы на окончание (*спокойнѣе, удобнѣе* и т. п.). Характерными для западных говоров оказываются формы со вторичным суффиксом *-ей* (*ниже́й, тоней, ширей, больше́й*). В Псковской и Великолукской областях (т. е. на части территории западных говоров) обнаружена компактная группа говоров, знающих формы *кре́пше* (от *крепок*), *легбше* (от *легок*), на которые были лишь единичные указания в литературе. Обнаружены в говорах Владимирской, Горьковской, Ульяновской областей и в Чувашской АССР формы с суффиксом *-е* (*скорѣ́, быстрѣ́* и т. п.). Вопреки представлению о том, что в русских говорах неизвестны формы сравнительной степени с суффиксом *-ейш-* (*он старейше́ меня*), обнаружена группа говоров Калужской и Брянской областей, знающих это явление.

Пополняются — вообще чрезвычайно скудные — представления об образовании форм числительных и их территориальном распространении. В западной части средневеликорусских говоров (Псковская, Великолукская область) отмечены формы творительного падежа числительного *два* (совпадающие с дат. падежом), образованные от разных основ (типа *двум, двѣм, двѣм*), из которых четкую локализацию в пределах Великолукской области имеет форма от основы *двы-*. Аналогичное распространение имеет форма твор. падежа *трѣми*, распространенная и на более южных территориях, преимущественно в говорах, пограничных с Белоруссией. В тех же говорах, а также южнее, по границе с Белоруссией и далее на территории Брянской, Орловской областей с последующим распространением в юго-восточном направлении, отмечена форма твор. падежа *четырьѣми*, ранее известная лишь по единичным сообщениям. |

В отношении глагольных форм большой интерес представляют данные о формах 3-го лица без окончания. Так, оставалось неясным, какие именно из восьми возможных форм 3-го лица (имеются в виду глаголы 1-го и 2-го спряжения с ударенной и безударной флексией в ед. и мн. числе в пределах каждого из спряжений) бывают представлены по говорам без окончания. Не было также данных и о территориальной локализации этих форм.

В настоящее время выявлены три самостоятельные территории распространения глагольных форм без окончания: северо-западная (говоры определенной части Псковской, Повгородской и Великолукской областей), юго-западная (западная часть Брянской области) и южная (на территории Калужской, Тульской, Орловской, Курской, Рязанской областей с вероятным продолжением в восточном направлении). Наибольшее количество возможных форм без окончания (восемь встречается лишь в некоторых говорах северо-запада, где возможно употребление одновременно таких форм, как *он нес'б, пѣша, они несѹ, пѣшу; он кричѣ́, люб'а, они кричѣ́, люб'а*. Наиболее редкими и на других территориях почти не встречающимися формами являются *он кричѣ́, они несѹ, они стѣну*. Их

распространение в некоторых говорах северо-западной территории может поэтому считаться наиболее типичным. В говорах юго-западной территории почти совсем не встречаются формы мн. числа без *т*; распространены в различных сочетаниях формы ед. числа без окончания. В южных говорах (обычно южновеликорусских, кроме некоторых тульских говоров) отмечают формы и ед., и мн. числа без окончания (за исключением отмеченных выше редких северо-западных форм), причем употребление форм ед. числа распространено почти сплошь, формы же мн. числа встречаются в более редких говорах. Приведенная характеристика имеет самый общий и приблизительный характер. В дальнейшем необходимо специальное исследование материала, которое должно дать прежде всего типологию данного явления.

Для характеристики личных форм глаголов настоящего времени 1-го спряжения существенны встречавшиеся и раньше указания на произношение ударенного тематического гласного, определяющиеся наличием или отсутствием изменения *е* в *о*. Материалы атласов дают сведения об употреблении форм с *е*, не изменившимся в *о*, в западной части средневеликорусских говоров и говорах южновеликорусского наречия; по предварительным данным, эти формы не чужды и северновеликорусским говорам (кроме владимирско-поволжских). Интересна дальнейшая дифференциация говоров по данной черте. В западной группе говоров — как средневеликорусских, так и южновеликорусских — переход *е* в *о* в глаголах зависит от качества последующего согласного по твердости и мягкости: *несёшь* (перед бывшим мягким согласным), *несётъ*, *несём*, *несёте*. В некоторых брянских говорах *о* появляется нефонетически и во 2-м лице мн. числа (*несёшь*, *несётъ*, *несём*, *несёте*). В говорах Курской и Орловской областей, а также, видимо, и в более восточных, *е*, не изменившееся в *о*, представлено во всех формах (*несёшь*, *несётъ*, *несём*, *несёте*) вне зависимости от фонетических условий.

Существенным для характеристики личных форм глагола является характер стяжения гласных в основах глаголов. В северновеликорусских говорах стяжение связано с утратой интервокального *j*, а в южновеликорусских — с редукцией гласных заударного слога, чем и объясняется тот факт, что в южновеликорусских говорах стяжение наблюдается в большем количестве сочетаний (например, в сочетаниях *оје*, *ује*)¹.

В «Опыте диалектологической карты» не используется при классификации говоров такой морфологический признак, как характер образования возвратных форм глагола. Обобщение значительных материалов показало, что наибольшее значение в этом отношении имеет вопрос о твердости или мягкости *с* в этих формах, а также вопрос о качестве конечного гласного (является ли он гласным типа *a* или типа *u*). Материалы атласов подтвердили известное в общем виде и ранее положение о том, что твердое *с* в возвратной частице характерно преимущественно для северновеликорусских говоров; качество гласного в возвратной частице по данным атласа может стать одним из признаков для внутренней дифференциации южновеликорусских говоров. Так, выявилось, что в западной группе говоров (западнее линии Великие Луки—Смоленск—Торопец—Брянск—Севск—Рыльск) известна только частица *с'а* и не встречается *с'и*, которая, в свою очередь, имеет широкое распространение в говорах Тульской и Рязанской областей.

Обнаружены две небольшие группы говоров (на территории Рязанской Мещеры и в районе Скопина-Михайлова Рязанской области), знающих

¹ Т. С. Коготкова, Утрата интервокального *j* и стяжение гласных в русских говорах. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953.

в формах 3-го лица ед. и мн. числа и в форме инфинитива возвратных глаголов вторичное *-ть* (*он дерётцъть, они дерутцуть, дра́тцъть*).

Материалы атласов, как и ранее собранные материалы, характеризующие употребление форм повелительного наклонения, обобщены в работе А. И. Сологуб¹, где также намечены основные типы образования этих форм.

Полученный большой материал, характеризующий образование глагольных основ, требует специального исследования. Заметим лишь, что обобщение во всех личных формах твердого задненебного согласного (*пеку, пекош....пекут*), ранее считавшееся типично северновеликорусским, отмечено и в южновеликорусских говорах (рязанских, тульских, калужских и др.).

Отмеченные в «Опыте диалектологической карты» в качестве типичных для говоров Поморской группы северновеликорусского наречия формы *еси, даси* (2-е лицо ед. числа глаголов *дать* и *есть*) отмечаются и в говорах западных территорий (в западной части Смоленской и Брянской областей).

Выявлены данные, уточняющие представление о территории распространения деепричастий с суффиксом *-миш*. В диалектологической литературе имеется лишь общее указание на то, что эти деепричастия употребляются в псковских говорах. По данным атласов установлено, что суффикс *-миш* распространен в говорах, находящихся на самой южной части территории бывшей Псковской земли, причем изоглосса данного явления почти полностью повторяет южную границу бывшей Псковской земли.

Проведено в настоящее время и некоторое обобщение материалов по синтаксису². Данные атласов в некоторых случаях весьма существенно изменили наши представления о территориальной приуроченности тех или иных явлений. Считавшиеся исключительно северными конструкции типа *тебе жена надо* и употребление деепричастий в качестве сказуемого зафиксированы в настоящее время и в средневеликорусских, и в южновеликорусских говорах. Новым является и указание на то, что вдоль границы русского языка с белорусским и украинским идет полоса говоров, в которых отсутствует употребление постпозитивных частиц — как согласуемых, так и несогласуемых.

На основе материалов, собранных в атласах, была написана в свое время статья Ф. П. Филина, в которой наибольший интерес представляет анализ страдательно-безличных оборотов разного типа³. Накопленные после выхода в свет этой статьи материалы, характеризующие употребление данной конструкции, в настоящее время являются предметом исследования. Уточняется представление о территории распространения страдательно-безличного оборота, который широко известен не только в северо-западных говорах, но также и на северо-востоке (имеющийся материал указывает, например, на его распространение по течению рек Северной Двины, Пинеги и Мезени). Выявлена вторая (после территории вокруг Пскова и Новгорода) территория наиболее последовательного распространения данного оборота в районе Череповца и Белого озера. Отмечено распространение этого оборота в западной группе средневеликорусских говоров, причем не только в их северной части, но и около Гжатска, Ржева, Вязьмы, а также разбросанно и на территории южновеликорусских говоров в Курской и Орловской областях. Можно отметить значительное

¹ А. И. Сологуб, Формы повелительного наклонения [в русских говорах, «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. VII, М., 1957.

² И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко, указ. соч.

³ Ф. П. Филин, Заметки о записях материалов по синтаксису, «Бюлл. диалектол. сектора [Ин-та русск. языка]», вып. 4, М.—Л., 1948.

преобладание примеров типа *нигде не бывано* по отношению к примерам типа *руку поранено*.

Изучение отдельных сторон и особенностей страдательно-безличных оборотов позволяет установить различные типы нарушения согласования между главными членами этого оборота, подтверждает возможность образования причастий от глаголов совершенного и несовершенного вида (*сеяно—посеяно, езжено—поезжено*) и указывает на широкое употребление названия действующего лица в форме род. падежа с предлогом *у* (*у волков хожено*), хотя наряду с этими формами употребляется также и форма твор. падежа без предлога (*мною хожено* и т. п.). Имеются некоторые сведения о выражении формой род. падежа с предлогом *у* не только фактического производителя действия, но вообще предмета, являющегося подлежащим в соответствующем личном обороте (*здесь верно у дожжя быто* и т. п.). Отмечены и обороты типа: *девушка уехала была в Ленинград/теперь вернулась*.

*

При подготовке атласов собраны большие материалы по лексике русских народных говоров, которые еще ждут своего обобщения и детального изучения в разных направлениях и с различными целями. Картографирование данных по лексике позволяет уточнять наши представления о типах диалектных различий русского языка¹.

Можно ожидать, что данные атласов изменят наши представления о принадлежности тех или иных слов к определенным диалектным группам. Так, слово *потолок* в значении «чердак», считавшееся южновеликорусским, оказывается распространенным и в северновеликорусских говорах новгородского типа, а также имеет некоторое распространение во владимирско-поволжских говорах. Распространение слова *жито* в значении «рожь» или «пшеница» в южновеликорусских говорах связывали обычно с влиянием украинского и белорусского языков². В настоящее время установлено, что данное слово распространено значительно шире возможных сфер влияния этих языков. Его отмечают, кроме Смоленской, Брянской, Белгородской и юго-западной части Орловской области, также и в говорах Калужской, Тульской, Курской, Калининской, Московской областей. Слово *ладонь* в значении «ток», относительно которого указывали, что оно отсутствует в северо-западных говорах, фактически распространено в наиболее западной части этих последних, а также на территории Великолукской и Калининской областей.

Некоторые из слов, зафиксированных нашими наблюдателями, отсутствуют, как кажется, в ранее опубликованных словарях и собраниях лексики. Таковы отдельные названия малой укладки снопов — *попкй* (горьковск., ульяновск.), *кйлосо* (ленинградск., псковск.), *рель*, *рёлка* для обозначения укладки сена (новгородск., псковск.). Таково слово *грабнйчка* (воронежск.) в значении «радуга», слова *скрйги* (брянск.) и *гйри* (курск.) в значении «льдины». Слова *комър* и *комър'* в значении «муравей», имеющие большое распространение в южновеликорусских говорах, в данном значении тоже, как кажется, отмечены впервые. Можно также отметить слова: *сед'уха* (великолукск., смоленск.) «курица, высиживающая цыплят», иногда «наседка вообще», а также *шкбйрка*, *шквар'уха*, *шквар'уха*, *шкверт'ушка* (великолукск.) в значении «курица, собирающаяся высиживать цыплят»; ср. и соответствующие глаголы

¹ Л. П. Жуковская, Типы лексических различий в диалектах русского языка, ВЯ, 1957, № 3.

² Ф. П. Филин, Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии, М.—Л., 1936, стр. 112.

зашквы́рывается, шквя́рётся. Отметим слово *рога́ет* в значении «бодается» (новгородск.).

Атласы дадут материал для рассмотрения вопроса о роли различных диалектных групп в формировании лексического состава литературного языка. Особенно интересны здесь случаи, когда карты атласов показывают, что территории распространения некоторых слов сходятся у Москвы. Ср. распространение непосредственно к северу от Москвы глагола *раздеваться* (в том же значении, что и в литературном языке), к югу — соответственного ему глагола *разбираться*. В таком же соотношении находятся территории распространения слов *ковш* (северное) и *корец* (южное). Вокруг Москвы распространены глаголы *братъ* и *дергать* (о льне); территория глагола *теребить*, принятого в литературном языке, расположена несколько севернее. Случаи этого рода должны быть изучены систематически.
